

Людмила ГЛАДКАЯ

■ Пока семья из Горловки лечилась в Минске, ВСУ разбомбили их жилище. Начать новую жизнь беженцы решились с сырами.

«Папочка, я без тебя не поеду, папочка...» - Милена Шевченко (фамилия изменена в целях безопасности) обнимала отца. Боялась, что, пока они с братом и почти слепой мамой будут отдыхать в Беларуси, папу убьют украинские военные, боялась, что в дом (он рядом с позициями ВСУ авдеевского укрепрайона) прилетит снаряд. Еще в воскресенье Миля с Виталиком были счастливы, настоящую сказку им подарил Белгосцирк. Потом долго гуляли по Минску, было весело, хорошо. А на следующий день мы узнали, что их дом сгорел, прямое попадание.

НЕ УГАДАЕШЬ, КУДА ПОЛЕТИТ ПУЛЯ

Папа (тоже Виталий) чудом выжил. Как был - в одних трусах, так и выскочил на улицу. Успел схватить паспорт с тумбочки и гитару сына. Контузия, на шее ожог. Растерянность. Нам удалось поговорить с ним по видеосвязи.

На днях его жена и дети после лечения в Беларуси должны были возвращаться домой. Теперь дома нет. Есть горе. И радость одновременно - потому что живы.

С Аллой и детьми мы сидели на кухне съемной квартиры (с ней помогли ребята из фонда Леши Талая, они полностью опекали семью в Минске) и думали, как быть дальше. И Виталий думал, обсуждали возможность переезда в Синеокою. Он ходил по пепелищу, пытаясь найти хоть что-то и до приезда группы белорусов Николая Гаврилова принять важное решение: уезжать или остаться? Понимает, что дом мог стать могилой для всей его семьи и что второго шанса судьба может не дать. Пока спит в уцелевшем сарае или у знакомых.

Эти люди оттуда, где всегда рядом смерть, с окраины Горловки. Если посмотреть на карту, то по правой стороне Авдеевки расположено село Нью-Йорк, чуть дальше - Дзержинск. Это все укрепрайон, важное направление, там сейчас идут особенно тяжелые бои. Там и разбитый горловский район шахты 6/7, где жила семья Виталия.

С 2014-го линия соприкосновения проходила прямо по соседней улице, работало стрелковое оружие, у дорог и калиток ставили растяжки, лежали тела, хозяйничали боевики нацгруппировок... Теперь она чуть дальше, переместилась к ближайшей лесопосадке и за шахтные герриканы. И сейчас тоже не важно, останешься ты дома или выйдешь на улицу - не угадаешь, куда и когда прилетит, куда направится пуля. Потому живут себе местные, как получается. Планов не строят.

■ В таких условиях приходится приспосабливаться.

Когда вывозили Аллу с детьми, начинался штурм авдеевского укрепрайона. Тогда же взорвали и мост между Донецком и Горловкой, выезжать пришлось объездным путем. В Минск приехали ночью.

Вспоминаю слова Аллы, из поездки: «Страх, наверное, уже вошел в привычку, часто его не замечаем. Эмоции, кажется, потеряны для нас, и это пугает. Когда стреляют (хоть и понимаем, что близко), нет такого, как раньше. Шок,

ПРИХОДИТЕ В НАШ ДОМ, ДРУЗЬЯМ ДВЕРИ ОТКРЫТЫ

Илья ШЕВЧЕНКО/ИД «Беларусь сегодня»

Семья воссоединилась на гостеприимной земле. Здесь есть возможность начать новую жизнь.

Так выглядит их старая хата, в которой, к счастью, никого не было на момент бомбежки.

СЖАЛАСЬ, КАК ВОЛЧОНОК

Милене - тринадцать, ее брату Виталику - шестнадцать. У мамы, молодой женщины, инвалидность по зрению, Алла почти ничего не видит. Полная слепота - вопрос времени. Врачи говорят, ближайшего, и прогнозируют те же проблемы для сына. Еще у него, как и у мамы, серьезные проблемы с сердцем, давление. В прошлый раз, когда группа Гаврилова привозила семье помощь, отец попросил вывезти жену с детьми в Беларусь, хотя бы на пару недель спрятать от снайперов, «Градов», «кассет», «Хаймарсов».

Особенно тяжело решиться на поездку было Миле. Сперва обрадовалась, потом сильнее оказались страх и паника: как выбраться из своего кажущегося таким надежным дома-панциря, как оставить отца одного?.. Когда девочка вышла с вещами, оказалась мельче, чем минутой

назад. Сжалась, словно беспомощный волчонок...

В итоге согласилась. Стащила с папиной головы на свою его грязную рабочую кепку, обняла и села в машину. Понимала, что ехать надо и что мама без нее не справится, что брату нужны обследования. Дальше - дорога, ставшая для мальчика с матерью настоящим путешествием, для девочки - испытанием, но она справилась.

Пока ехали из их мира в наш, Алла рассказывала о своей жизни, детях, любимом муже и их крепкой семье. О надежде и отчаянии, нервных срывах и своем пугающем равнодушии. Рассказывала всю дорогу, да и потом тоже. Ей нужно было выговориться. Понимаю, слушаю, больно.

- Все время в замкнутом пространстве. Даже во двор редко выходили, в последнее время стало очень много вражеских беспилотников. Постоянно ближние бои, и неизвестно, кто может оказаться рядом, свой или чужой.

Поселок почти пустой, уцелевших домов мало. Связь, интернет работают с перебоями. Недавно было два попадания «Градов», сгорели соседние дома, погибли люди. По улицам разбросаны «лепестки», разрываются кассетные боеприпасы. Даже хоронить людей на окраине риск.

- Мы не знаем, будем ли жить завтра. Всегда в напряжении, вещи все, документы в пакетах поблизости, чтобы, если что, схватил и побежал. Если честно, меня даже немного злит, когда спрашивают: мол, почему не уезжаете? А куда? За что?

СТРАХ ВОШЕЛ В ПРИВЫЧКУ ПОД ОБСТРЕЛАМИ

осознание, истерика приходят потом, когда вспоминаешь и понимаешь, что мог погибнуть».

Вот тогда появляется просто животный страх, ведь дети могут остаться без родителей и, что еще хуже, родители без детей:

- Начало АТО, агрессии Киева. Помню, украинские вертолеты, самолеты летают низко, бомбят нас, а мы землянку роим. Метра полтора, больше не выкопаешь, камни. Потому и подвалов в домах поселка практически нет.

Пробыли месяца полтора в землянке, носа не показывали. Извините, горшок при себе держали. Когда выбрались, видели по улицам много пожженной техники, и не только.

Однажды, говорит, вышли в магазин (сейчас он разбомблен). Дети впереди, и вдруг им под ноги - пули, начал работать снайпер. Добежали до магазина, и Алла просто толкнула туда сына с дочерью. Падая, открыли двери, буквально завалились внутрь. Так остались живы. По местным палачи

стреляли постоянно. Когда люди шли к колодцу, возвращались с остановки домой. Люди не могли поверить, что цель - именно дети. Однако для убийцы разницы нет.

- Мы уже какие-то зажатые. Не знаем, о чем говорить. Кроме этих ужасов - не о чем. У нас отобрали возможность отдохнуть, пойти в лес за грибами или на рыбалку, просто сменить обстановку. Даже косить траву невозможно, чтобы по тебе не стал стрелять снайпер. Я бы хотела, чтобы у детей все было по-другому, чтобы они улыбались.

СПАСЕНИЕ

ПУСТЬ УЛЫБАЮТСЯ!

■ В Синеокой их встретили как родных.

Мы не афишировали приезд семьи в Минск. Как-то разошлось среди своих, подпольно. И рядом появилось много хороших людей, которые тоже хотели, чтобы дети Аллы и она сама улыбались, чтобы им было о чем поговорить, кроме войны.

Национальная библиотека, которую строили всей страной, в тот вечер светилась для них - трех гостей из Донбасса. Экскурсовод Юрий так рассказывал о фондах, книгах и современных возможностях, что казалось, во всей библиотеке не было никого, кроме Милы, Виталика и их мамы.

- А тут - фонтан желаний. Нужно только прикоснуться вот к этому камню и попросить.

И они касались, просили. Наверное, даже знаю, о чем.

Семья побывала в зоопарке, дельфинарии, на «Беларусь-фильме», Миля покаталась на лошади (это была ее мечта), гостила у Юли Быковой и Жени Олейника (группа «Аура»). Настоящую сказку им подарил Белгосцирк.

Все билеты раскупили, нам предложили допместа. А когда пришла, работница цирка Инесса Леонидовна обняла ребят, чуть не заплакала. А потом повела на VIP-места. Мне на ухо шепнула:

- Директор сказал: «Посадить ребят на самые лучшие места». Для них должно быть самое лучшее. Пусть улыбаются.

Таких моментов было много и раньше, мы бродили по городу, встречались с людьми. Дети хохотали, болтали без умолку. Радовалась их мама, записывала для папы видео. А на следующий день их дом на окраине Горловки сгорел.

P.S. Узнав про семью, белорусы откликнулись, предложили помощь. Нашли работу для Виталия, жилье, местность, где его сын и дочь смогут позволить себе просто ходить в школу, расти обычными детьми. Сейчас эти люди начинают все заново, в простой белорусской деревне.